

Проблемы теоретического обоснования и практической реализации правовой доктрины в XXI веке

Честнов И. Л.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: tgpprocuror@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье обсуждаются сложности определения понятия «правовая доктрина», а также проблемные вопросы ее обоснования и реализации. Существуют разные позиции в научном сообществе нашей страны по этим вопросам. Автор предлагает собственную позицию, как можно обосновать правовую доктрину в ситуации онтологического, культурального и эпистемологического релятивизма, а также как правовые доктрины реализуются на практике.

Методология и материалы: цель исследования — приращение новых теоретических знаний об обосновании правовой доктрины и ее практической реализации. В качестве методологии использована диалогика как взаимообусловленность и дополнение противоположных аспектов бытия-существования правовой доктрины.

Результаты исследования и их обсуждение: важной проблемой является выяснение того, каковы модусы существования правовой доктрины. Таковыми являются ее восприятие, наименование, принятие (признание) и практическое использование. Правовую доктрину невозможно определить средствами формальной логики — через род и вид, ее раскрывают через анализ использования доктрины в практике субъектов права. При обосновании правовой доктрины возникает парадокс теоретического плюрализма и необходимости унификации доктринального знания. Реализация правовой доктрины осложняется парадоксом «следования правилу».

Выводы: в качестве разрешения проблем и парадоксов теоретического обоснования и практической реализации правовой доктрины автор предлагает обратиться к процедуре делиберации.

Ключевые слова: правовая доктрина, существование правовой доктрины, определение правовой доктрины, теоретическое обоснование, практическая реализация, делиберация.

Для цитирования: Честнов И. Л. Проблемы теоретического обоснования и практической реализации правовой доктрины в XXI веке // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 2 (28). С. 41–51. EDN: VACJ TZ

Problems of Theoretical Substantiation and Practical Implementation of Legal Doctrine in the 21st Century

Ilya L. Chestnov

Saint Petersburg Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: tgpprocuror@yandex.ru

Abstract

Introduction: The article discusses the problematic issues of the concept, justification and implementation of legal doctrine. There are different positions in the scientific community of our country on these issues. The author offers his own position on how to justify legal doctrine in a situation of ontological, cultural and epistemological relativism, as well as how legal doctrines are implemented in practice.

Methodology and materials: The purpose of the study is to obtain new theoretical knowledge about the justification of legal doctrine and its practical implementation. The methodology used is dialogics as the interdependence and complementarity of the opposite aspects of the legal doctrine's existence.

The results of the study and their discussion: An important issue is to determine the modes of existence of a legal doctrine. These include its perception, naming, acceptance (recognition), and practical use. The definition of a legal doctrine cannot be achieved through the rules of formal logic, such as genus and species, but rather through the analysis of its use by legal actors. The justification of a legal doctrine presents a paradoxical situation of theoretical pluralism and the need for the unification of doctrinal knowledge. The implementation of a legal doctrine is further complicated by the paradox of "following the rule."

Conclusions: As a solution to the problems and paradoxes of the theoretical justification and practical implementation of the legal doctrine, the author suggests using the deliberation procedure.

Keywords: legal doctrine, existence of the legal doctrine, definition of the legal doctrine, theoretical justification of the legal doctrine, practical implementation of the legal doctrine, deliberation.

For citation: Chestnov, I. L. (2026) Problems of Theoretical Substantiation and Practical Implementation of Legal Doctrine in the 21st Century. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (28). Pp. 41–51. (In Russ.)

Введение

Правовая доктрина — сложный, многогранный феномен, который может быть интерпретирован по-разному с различных точек зрения¹. Так, можно выделить формально-юридический аспект правовой доктрины, который в позитивистской литературе относят к одному из источников права (по крайней мере, применительно к англо-саксонской правовой системе). Уместно также вести речь о политико-правовой доктрине как метаосновании права, включающем идеологическую составляющую. В то же время доктрина — это и господствующие в данном обществе научные (концептуальные) представления о праве (правовой реальности). В любом случае имеют место различные точки зрения и подходы по поводу того, что такое правовая доктрина, каковы модусы ее существования. Еще более важными проблемами, связан-

¹ В связи с этим в научной литературе высказана справедливая мысль о том, что «в юридической литературе отсутствует общепризнанное определение правовой доктрины». См.: *Перевалов В. Д.* Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 5. С. 42 (42–48).

ными с обозначенной, являются способы обоснования правовой доктрины в условиях теоретического плюрализма и ее реализации на практике. Именно этим вопросам посвящено настоящее исследование.

Методология и материалы

Цель исследования — приращение новых теоретических знаний об обосновании правовой доктрины и ее реализации. В качестве методологии использована диалогика как взаимообусловленность и дополнение противоположных аспектов бытия-существования правовой доктрины. Материалом, на котором строится исследование, является рефлексия относительно правовой доктрины, ее концептуального обоснования, практической реализации и проблемных вопросов, с этим связанных.

Результаты исследования и их обсуждение

Известный теоретик права В. Д. Первалов обоснованно утверждает, что определяющим фактором, позволяющим считать какую-либо теорию (концепцию), точнее ее «доминирующее начало, лейтмотив», правовой доктриной, является признание этой теории научным сообществом и властными структурами². При этом ученый различает правовую доктрину и учение, теорию или концепцию права, научную школу, хотя юридическая доктрина, по его мнению, «аккумулируется в определенную теоретическую схему»³.

Близкую точку зрения отстаивает Ю. Е. Пермяков. Доктрина — метаязык права⁴. Одновременно правовая доктрина, которую Ю. Е. Пермяков отграничивает от политической доктрины, сформулированной в законодательстве (преимущественно в Указах Президента Российской Федерации), выражает официальную позицию государства. В то же время Ю. Е. Пермяков отрицает, что правовая доктрина является источником права, поскольку «не содержит в себе предписания, устанавливаемого государственной властью», хотя и включает «нормативные положения, касающиеся уяснения логических и аксиоматических оснований правового суждения»⁵.

Такую же позицию по данному вопросу занимает Л. И. Глухарева, которая, правда, считает возможным трактовать доктрину как «неформальный источник права»⁶. Полагаю верным ее рассуждение о том, что правовая доктрина может быть признана источником права в формально-юридическом смысле, если на доктрину можно было бы сослаться в резолютивной части индивидуального правового акта⁷. Однако в нашей правовой системе такого нет и быть не может, хотя ссылки на доктрину в мотивировочной части достаточно распространены. В этом, полагаю, состоит различие правовой системы России и Англии, в которой ссылки на труды Брактона, Литлтона, Гленвилла, Кока, Блэкстона (некоторые добавляют Дайси) официально признаются формой внешнего выражения права, в том числе его нормативности.

Не подменяя нормы права, правовая доктрина обеспечивает их толкование с позиции официальной инстанции и тем самым принятие решения по делу. Выражаясь «в форме принципов, презумпций, идей, аксиом, иных основоположений», правовая доктрина, будучи теоретическим знанием, «нацелена на создание рекомендаций практического характера»⁸.

Таким образом, справедливо полагает Л. И. Глухарева, правовая доктрина может быть квалифицирована как «неформальный источник (форма) права». Она «присутствует при принятии практически каждого решения, однако опосредованно, как результат толкования и осмысления нормативных источников (официально признанных форм права), когда последние не дают прямого ответа на возникший казус»⁹.

² Там же. С. 45, 43.

³ Там же. С. 43.

⁴ Пермяков Ю. Е. Современная философия права: обзор основных проблем: учебное пособие. СПб.: Лань, 2023. С. 360.

⁵ Там же. С. 362.

⁶ Глухарева Л. И. Правовая доктрина — неформальный источник современного российского права // Истоки и источники права: генезис и эволюция: монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Алетей, 2022. С. 383–397.

⁷ Там же. С. 384.

⁸ Там же. С. 387, 385.

⁹ Там же. С. 384.

После прояснения вопроса о том, как следует трактовать правовую доктрину, перейдем к тому, как можно обосновать ее бытие-существование (по терминологии М. М. Бахтина) и как можно определить ее теоретическое содержание. *Правовая доктрина существует, если она воспринята, именована и принята в качестве таковой, истолкована и применяется (воспроизводится) на практике акторами — ее пользователями*¹⁰. Это связано с тем, что существование чего-либо в постсовременной философии предполагает как минимум три момента: восприятие, наименование, принятие (признание) и практическое использование. Эти три модуса существования чего-либо, с моей точки зрения, следует дополнить формальностью и интерпретативностью воспринимаемого, а также имманентностью существованию человека, или «Я». При этом модусы бытия-существования взаимодополняют друг друга, не исчерпывая бытие сложных феноменов, включая право, которое, с моей точки зрения, в принципе неисчерпаемо (я в данном случае солидарен с позицией сторонников объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана, Л. Брайанта, К. Мейясу и др., которые утверждают, что любой объект или «сущность» не сводима к его актуальному существованию или проявлению)¹¹. То есть воспринятым может быть только то, что так или иначе оформлено. Признание неотделимо от людей и от значений и смыслов, которые они вкладывают в акты признания и использования. Реальность формы определяется поведением, практиками, которые ее конструируют и воспроизводят. Без такого воспроизведения форма становится бессодержательной фикцией. В то же время деятельность человека опосредуется и определяется ментальными, когнитивными процессами означивания и осмысления действий, актора, контрагента, предполагаемых последствий — ожиданий и притязаний.

А теперь об *определении содержания правовой доктрины*. Дать адекватное, содержательное (а не номинальное) ее определение через род и видовое отличие невозможно. Бесперспективность определения абстрактных юридических понятий (а правовые доктрины, очевидно, относятся к таковым) через род и вид, как справедливо заявлял еще И. Бентам, связана с тем, что для них нет рода, который занимал бы еще более абстрактное место в системе понятий; с другой стороны, даже если бы удалось обнаружить таковой (более общий род), то он был бы еще более «смутным», нежели определяемое (например, правовая доктрина как разновидность доктринального знания)¹². Любые попытки дать исчерпывающее описание и объяснение правовой доктрины наталкиваются на проблему «открытой текстуры», которую сформулировал логик-философ Ф. Вайсман и активно использовал в юриспруденции Г. Харт: она вытекала из многоуровневой структуры языка. Именно это, по мнению Ф. Вайсмана, вызывает недостижимость полного описания чего-либо по причине того, что любое описание всегда можно дополнить через добавление новых деталей¹³. Любая попытка исчерпывающего определения чего-либо ведет либо в дурную бесконечность, либо приводит к тавтологии, либо, что преобладает на практике, — к насильственному прерыванию дефинирования, утверждал Х. Альберт, формулируя «трилемму Мюнхгаузена»¹⁴. Так, доктрина состава преступления требует определения субъективной стороны преступного деяния, а оно связано с прояснением того, что такое психика (психическое отношение к деянию и последствиям). Однако дальше дефинирование состава преступления сталкивается с нерешенной когнитивистикой и нейронаукой — проблемой объяснения мышления человека. Крупнейшие представители этих и близких областей знаний, включающих как естественно-научные, так и гуманитарные дисциплины, вынуждены признать, что наука, по крайней мере на сегодняшний день (хотя уверенности в том, что завтра ситуация изменится, нет), не знает, как мыслит человек¹⁵.

Выход из такой непростой ситуации может быть найден в определении через практики использования доктрины, что вытекает из завещанного Л. Витгенштейном¹⁶ неклассического, если позво-

¹⁰ См. подробнее: *Честнов И. Л.* Реальность права в постклассическом измерении // Перспективы правового реализма: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетей, 2026. С. 77–95.

¹¹ *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 256 с.

¹² *Хакер П. С. М.* Определения в юриспруденции // *Оглезнев В. В., Суровцев В. А.* Аналитическая философия права: открытая текстура и определение правовых понятий. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2023. С. 245–254.

¹³ *Вайсман Ф.* Многоуровневая структура языка // *Оглезнев В. В., Суровцев В. А.* Аналитическая философия права: открытая текстура и определение правовых понятий. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2023. С. 280–281.

¹⁴ *Альберт Х.* Трактат о критическом разуме / пер. с нем. 2-е изд. М.: УРСС, 2010. 264 с.

¹⁵ См.: *Дамасио А. Я.* Мозг и возникновение сознания / пер. с англ. М., 2018.

¹⁶ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1 / пер. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 347 с.

лительно так это назвать, определения значения знака. Это значение следует искать не в словарях, хотя туда тоже нужно заглядывать, а в том, как акторы используют данный знак (то, что подлежит определению) в «языковых играх». Именно такой подход стал определяющим в теории права Г. Харта и в поствитгенштейнианской аналитической философии права. Определение через практики использования предполагает выяснение того, как именно акторы воспроизводят своими практическими действиями то, что считается (признается) правовой доктриной, и почему именно это признается доктринальным знанием. Ответ на последний вопрос требует прояснения того, кто и как формирует знание, относимое к доктринальному, обеспечивая его относительную унифицированность (если таковая, конечно, имеет место быть).

Полагаю, что сегодня в любом обществе нет единого или единственного субъекта (даже инстанции), который ответственен за официальное признание некоторого юридического знания в качестве доктринального. Такое признание — это результат борьбы различных социальных сил или групп за право официальной номинации, как любил выражаться П. Бурдьё, то есть за то, чтобы признать такое-то знание в качестве правовой доктрины. Тот, кто обладает большим социальным капиталом, в состоянии утвердить свою точку зрения на концептуальное многообразие претендентов именоваться правовой доктриной. При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов то, что такое знание должно обладать некоторой «функциональной значимостью», то есть обеспечивать нормальное функционирование правопорядка. В то же время нет и не может быть одной концепции, которая способна это сделать: вариативность тех идей, которые являются эффективными, неустраима. Так, концепция разделения властей может быть доктринально закреплена как три ветви государственной власти (законодательная, исполнительная и судебная), а может быть эффективной доктриной при наличии четырех ветвей государственной власти (к трем классическим добавляется власть главы государства в смешанных республиках), также могут быть и имеют место отличающиеся комбинации их сдержек и противовесов, предусмотренные доктринами разных государств. Специфика исторического и социокультурного контекста, правовых традиций вкупе с соотношением сил в данном конкретном социуме — в политико-правовом его поле — определяет то, каково содержание соответствующей правовой доктрины.

Как уже отмечалось, правовая доктрина — разновидность или форма теоретического знания, отличающаяся от него официальным признанием и практической направленностью. В связи с теоретической концептуализацией правовой доктрины (она проистекает из научного теоретического знания) возникает сложная проблема, связанная с динамикой доктринального знания и его относительностью, как это ни странно прозвучит (официальное признание и относительность знания — как это возможно?).

Правовая доктрина основывается на картине мира, мировоззрении, господствующем в данном социуме. А в ней — в картине мира, включающей юридическую картину мира¹⁷, — сегодня происходят важные трансформации. Они, надо сказать, происходили и ранее, как минимум начиная с конца XVIII в. Неслучайно конец XIX – начало XX в. некоторые авторы относят к переломной эпохе: именно в это время классическая наука начинает дополняться неклассической (и не только в физике — психологическая школа права в юриспруденции, неокантианство в теории права, представленное неопозитивизмом Г. Кельзена, по мнению некоторых авторов, знаменует важную трансформацию классической юриспруденции).

Конец XX в. ознаменован важными изменениями в социальных отношениях и сопровождаемыми культурными трансформациями. Эту мысль с конца 60-х гг. XX в. обосновывала и отстаивала на первых порах некоторая часть интеллектуалов Запада, а затем социокультурные изменения становятся общепризнанными. Индустриальное общество эпохи модерна превратилось в глобализирующийся постиндустриальный информационный социум, в котором значительно изменилась социальная структура, а информация превратилась в основное средство производства. Параллельно происходи-

¹⁷ О юридической картине мира наиболее обстоятельно и интересно писал Ю. А. Веденеев. См.: *Веденеев Ю. А.* Юридическая картина мира: между должным и сущим // *Lex Russica*. 2014. № 6. Т. 96. С. 641–654.

ли измерения в сфере культуры (хотя информация и есть культура при любой трактовке этого многозначного термина). Более того, культура (в широком смысле) с этого времени обуславливает все иные сферы общества. При этом важно также то, что изменения становятся постоянными и всё более ускоряющимися.

Прогноз (если можно так выразиться) Ж.-Ф. Лиотара о крушении метанарративов оказался пророческим: сегодня действительно произошел отказ от глобальных теорий; концепции мельчают и фрагментируются. В чем это проявляется? Принципы права в механизме правового регулирования сегодня вытесняются интересами, и если и сохраняются, то как симулякры — знаки, лишенные референтов (пустые знаки, которые могут быть наделены разным значением и референцией). Это же касается и правовых ценностей. Они релятивизируются и контекстуализируются (хотя и то, и другое обнаруживается уже в начале XX в. — в квантовой физике или литературном формализме). В ценностях произошел переход от либерализма к фрагментаризму (можно сказать, к коммунитаризму и республиканизму, которые, в частности, настаивают на том, что всё может быть и должно быть оспорено и пересмотрено, чтобы не заостенеть).

В то же время нельзя не заметить, что сегодня о правопонимании спорят гораздо меньше, чем 30–40 лет назад. При этом подавляющее большинство ученых согласны с тем, что право — многогранное, в некотором смысле синтетическое явление. В общем, все или подавляющее большинство согласны с тем, что в праве имеют место формальное, моральное и деятельностное измерения. Однако между этими тремя классическими модусами бытия-существования права существуют трудноразрешимые (или, может быть, даже неразрешимые в принципе) противоречия. Так, в некоторых случаях отдельные законы или их статьи могут не соответствовать принципам морали (пример чему — Нюрнбергские законы фашистской Германии) или быть «мертворожденными», то есть не реализовываться на практике. Чему должен быть отдан приоритет? Вот тут уже начинаются ожесточенные и жаркие споры. Отсюда вытекает парадоксальность правовой доктрины в XXI в.: она — по определению — должна быть господствующим научным представлением о праве (правовой реальности), однако она не может быть таковой в силу невозможности ее полного, аподиктического обоснования. Почему? Потому что любая формальная система не может быть одновременно полной и непротиворечивой. Это доказано К. Гедделем в 1931 г. Не буду повторять «трилемму Мюнхгаузена», о чем речь шла выше, но нельзя отрицать невозможность дать точное и исчерпывающее определение таким сложным феноменам, не имеющим одного-единственного референта, как правовые доктрины. Непредсказуемость человеческой деятельности, полисемичность и другие недостатки естественного языка, на котором пишутся законы и говорят в процессе правоприменения, вынуждают многих исследователей согласиться, что неопределенность права — имманентное его свойство¹⁸.

Таким образом, в ситуации теоретического релятивизма, как бы к нему не относились, возможно ли устойчивое или стабильное состояние правовой доктрины (правовых доктрин)? Релятивизму, трактуемому как онтологическая относительность (к обществу, всем иным, неправовым социальным феноменам) и эпистемологическая (знаниевая) относительность, способствуют также проблемы реализации правовой доктрины или ее «действия». Отсюда можно сформулировать *парадокс, имеющий онтологическое, культуральное и эпистемологическое значение: правовая доктрина стремится к унификации знаний о праве, но культурное многообразие, эпистемологический и онтологический плюрализм говорят о невозможности однообразия, то есть доктринального единства*.

В этой связи можно ли говорить о единой правовой доктрине в содержательном смысле в разных сферах правовой системы нашей страны (это же касается и любой другой крупной державы) или оправданно трактовать правовую доктрину во множественном числе — о множественности правовых доктрин по одному и тому же вопросу (например, разделения властей или состава преступления, организации судебной власти или модели социального государства), которые с разных позиций конкурируют в правовом поле, как выражался П. Бурдьё, за право официальной номинации или наделения некоторых соци-

¹⁸ См.: Честнов И. Л. Определенность / неопределенность в праве: постклассическая интерпретация // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение: монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 98–115.

альных явлений и процессов юридической значимостью? Такая конкуренция, хотя бы на теоретическом уровне, проистекает, повторюсь, из неизбежного плюрализма разных подходов, методологий, точек зрения на тот или иной правовой феномен.

Какая из теорий или какое учение, подход, научная школа могут претендовать на то, чтобы быть признанным основанием правовой доктрины? Очевидно, что в советское время марксистско-ленинская доктрина была общеобязательной в прямом смысле слова, хотя споры между позитивистами-нормативистами (или этатистами) и сторонниками социолого-правового подхода были и тогда (в этой связи можно вспомнить две ширококомасштабные дискуссии о правопонимании в СССР). После развала СССР одно время таким влиятельным подходом был юлибертаризм, но не единственным: уже с конца 80-х гг. XX в. радикальный плюрализм стал доминирующим лейтмотивом практически во всех социогуманитарных дисциплинах. В общем и целом приходится констатировать неустранимость плюрализма в обосновании правовых доктрин.

Станным выглядит то, что не все признают трансформации, которые произошли в правопонимании, обосновывающем правовые доктрины. Так, известный специалист в области уголовного процесса Л. В. Головки подвергает сомнению существование «четвертого типа правопонимания»¹⁹. По его мнению, такового нет и быть не может²⁰. Аргумент при этом приводится один: между классикой и постклассикой в правопонимании нет четкой демаркационной линии («ее и невозможно провести»)²¹. Конечно, если оставаться в XIX в., то всё, что претендует на новый тип правопонимания, даже если таковой не отрицает классические, но дополняет или включает их в себя, будет отрицаться. Ведь право для Л. В. Головки — это исключительно средство разрешения конфликтов, противоречий²². Видимо, известный теоретик уголовного процесса, знаток французской юриспруденции, не ходит в магазин и не ездит на общественном транспорте, иначе он не стал бы отрицать правовой характер договорного гражданского права. Неужели заключение сделки является неправовым действием? Ведь даже оставаясь позитивистом, невозможно отрицать, что сделки закреплены в ГК, а потому уже являются правовыми феноменами. Может быть, каждый раз в магазине его обманывают продавцы, а перевозчик не довозит до оплаченного пункта назначения?

Вышеизложенное, полагаю, свидетельствует о том, что теоретическое осмысление и обоснование правовых доктрин сегодня проблематизировано различными концептуальными подходами к их содержанию, которое задается контекстом и способами практической их реализации.

Проблемой существования (действия в социолого-правовом смысле) правовой доктрины также является ее *реализация* (действие). Дело в том, что сама по себе правовая доктрина не «действует» на практике. Ее действие всегда опосредовано конкретизацией теоретических доктринальных положений законодательства, преимущественно в принципах права (хотя, как это, например, имеет место применительно к доктрине состава преступления, такое закрепление не является обязательным), правосознанием интерпретаторов, практикой правоприменения (шире — формами реализации права). Все эти промежуточные «фильтры» уточняют, трансформируют, порой

¹⁹ Головки Л. В. Существует ли четвертая концепция права? // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 57–73.

²⁰ Интересно, что в этой же монографии содержатся как минимум два текста, в которых обосновывается иной подход к праву, по сравнению с триадой юридического позитивизма, юснатурализма и социологии права. См.: Корнев В. Н. Философские и правовые предпосылки формирования синтетического (интегративного) подхода к пониманию сущности права // Там же. С. 100–114; Захарцев С. И., Сальников В. П. Современные подходы к пониманию права и творчество профессора О. Э. Лейста // Там же. С. 73–81. Они, в частности, заявляют, что как при огранке бриллианта насчитывается как минимум 57 граней, так и право — многогранный феномен. Отсюда они выводят комплексную философско-правовую теорию, суть которой не в навязывании или обосновании какой-то одной концепции познания права, а в комплексном изучении права с учетом всех имеющихся теорий. См.: Там же. С. 74. Интересно, что О. Э. Лейст, которому посвящена данная монография, настаивал на «неизбежности и неустранимости различных мнений по поводу обоснования права» и что «искусственно и насильственно насаждаемое единомыслие — верный признак тоталитаризма». См.: Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2011. С. 315.

²¹ Головки Л. В. Указ. соч. С. 62.

²² Головки Л. В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 93 (92–127). Это тем более странно, что на этой же странице автор заявляет, что «право может анализироваться под разными углами зрения, ни один из которых исследовательской монополией не обладает». Там же.

искажают первоначальный смысл доктрины (если предположить его существование до и вне актов интерпретации²³).

Доктрина права формулирует предельно абстрактно образ и образец поведения индивидов — носителей статуса субъекта права. Такой абстрактный образ (и образец) имплицитно и эксплицитно реализуется в соответствующих формах, как в простых — соблюдения, исполнения и использования, так и в сложной — правоприменения²⁴. Как? Через мотивацию субъекта, реализующего правовую доктрину, включающую его цель, интересы, и через практики его деятельности, а также посредством ссылок в мотивировочной и (реже) резолютивной части правоприменительного акта. При этом такой образ (образец) не содержит конкретного способа его реализации (впрочем, как и любое правило поведения). В этом состоит знаменитый «парадокс следования правилу», сформулированный в середине XX в. Л. Витгенштейном²⁵. Нормативный правовой акт, а тем более принцип права, никогда не содержит точной и исчерпывающей инструкции своего применения. Это обусловлено тем, что формулировки нормы закона всегда конкретизируются и дополняются не только подзаконными нормативными правовыми актами, но и правовыми обычаями — практиками. Только на практике правило (а тем более принцип права или другое аксиоматическое положение) наделяется конкретным значением, отсылкой к конкретной ситуации и может быть содержательно определено. Так, нормы УПК РФ, закрепляющие проведение следственных действий, не содержат конкретных приемов, способов их осуществления. Это было бы бессмысленно хотя бы потому, что они — приемы и способы — всё время совершенствуются. Для этого существуют криминалистические рекомендации. Но и они сами по себе «автоматически» не регулируют проведение правоприменителя, а лишь информируют о том, как сегодня целесообразно и эффективно провести осмотр метапроисшествия, обыск или допрос. Непосредственная реализация норм УПК происходит в действиях (практиках) правоприменителя, с помощью его навыков и умений, мотивации, с учетом особенности конкретной ситуации и более широкого контекста (например, правовой политики). Именно в таких практиках и формируется то, что Л. Витгенштейн обозначил как «следование правилу».

Выводы

Таким образом, теоретическое обоснование и практическая реализация правовой доктрины — сложный процесс, теоретическая разработка которого пока далека от того, чтобы быть беспроблемной. На мой взгляд, выход из такого положения дел, обозначенного как онтолого-культурально-эпистемологический парадокс, возможен на основе использования теории делиберации правовых концепций, претендующих на статус правовой доктрины. Обоснование норм не может быть заранее предопределено. Норма получает содержательную определенность через процедуру делиберации (хотя обеспечить беспристрастность аргументации чрезвычайно сложно). Процесс делиберации тем самым приобретает нормативность с точки зрения его результата: через обсуждение и аргументацию нескольких вариантов содержательной трактовки правовой доктрины вырабатывается такое решение, которое должно убедить всех участников в своей большей обоснованности и целесообразности, по сравнению с другими, и благодаря этому именно такая формулировка правовой доктрины приобретает статус признанной научным сообществом. Разумеется, сама по себе такая процедура не гарантирует успешность закрепления правовой доктрины, но, по сравнению с навязыванием какой-либо точки зрения всем участникам обсуждения, является более перспективной.

²³ То, что интерпретация — это способ бытия человека, вытекает из хайдеггерской идеи языка как «дома бытия». Поэтому толкование права имманентно правовой реальности. Поэтому право не существует до или вне (без) его интерпретации. См. подробнее: Честнов И. Л. Онтология толкования права: постклассическая диалогическая методология // Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 15–27.

²⁴ О проблемах, связанных с реализацией принципов права см.: Фаталиева Д. А. *Differentia specifica* правовых принципов в контексте судебной аргументации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 1. С. 85–114. Так, она справедливо отмечает: «В силу неопределенности содержания правовых принципов, а также отсутствия единой методологии работы с ними фактически наполнение соответствующих правовых категорий определяется *ad hoc* на основании обстоятельств рассматриваемого дела». См.: Там же. С. 88.

²⁵ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994.

Список источников

1. Альберт Х. Трактат о критическом разуме / пер. с нем. 2-е изд. М.: УРСС, 2010. 264 с.
2. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка // Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: открытая текстура и определение правовых понятий. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2023. С. 280–281.
3. Веденев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6. Т. 96. С. 641–654. EDN: SFERVT
4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 347 с.
5. Глухарева Л. И. Правовая доктрина — неформальный источник современного российского права // Истоки и источники права: генезис и эволюция : монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб.: Алетейя, 2022. С. 383–397.
6. Голово Л. В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права : сб. статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 92–127. EDN: WYHNTT
7. Голово Л. В. Существует ли четвертая концепция права? // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 57–73. EDN: BFVXOA
8. Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания / Пер. с англ. М.: Карьера-Пресс, 2018. 383 с.
9. Захарцев С. И. Современные подходы к пониманию права и творчество профессора О. Э. Лейста / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 73–81.
10. Корнев В. Н. Философские и правовые предпосылки формирования синтетического (интегративного) подхода к пониманию сущности права // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 100–114. EDN: XRLSYO
11. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2011. 352 с. EDN: RAXXWT
12. Первалов В. Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 5. С. 42–48. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-5-42-48 EDN: ABRBVL
13. Пермьяков Ю. Е. Современная философия права: обзор основных проблем : учебное пособие. СПб.: Лань, 2023. 516 с. EDN: UMXZDA
14. Фаталиева Д. А. *Differentia specifica* правовых принципов в контексте судебной аргументации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 1. С. 85–114. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.1.85.114 EDN: HLFQVI
15. Хакер П. С. М. Определения в юриспруденции // Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: открытая текстура и определение правовых понятий. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2023. С. 245–254.
16. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 256 с.
17. Честнов И. Л. Онтология толкования права: постклассическая диалогическая методология // Толкование права: классика и постклассика : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2024. С. 15–27.
18. Честнов И. Л. Определенность / неопределенность в праве: постклассическая интерпретация // Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. С. 98–115. EDN: CQMSZF
19. Честнов И. Л. Реальность права в постклассическом измерении // Перспективы правового реализма. Коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2026. С. 77–95.

Об авторе:

Честнов Илья Львович, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; ORCID: 0000-0003-2083-5876; e-mail: tgpprocuror@yandex.ru

References

1. Albert, H. (2010) *Treatise on Critical Reason / Translated from German. 2nd Edition. Moscow: URSS. 264 p.*
2. Weisman, F. (2023) Multilevel Structure of Language. In: Ogleznev V. V., Surovtsov V. A. *Analytical Philosophy of Law: Open Texture and Definition of Legal Concepts. Moscow: Canon+, Rehabilitation Research Center. Pp. 280–281.*
3. Vedeneev, Yu. A. (2014) Legal Picture of the World: Between the Duties and the Existence. *Lex Russica. Vol. 96, no. 6. Pp. 641–654. (In Russ.)*
4. Wittgenstein, L. (1994) *Philosophical Investigations. In: Wittgenstein L. Philosophical Works. Part 1 / Translated by M. S. Kozlova. Moscow: Gnozis. 347 p.*
5. Glukhareva, L. I. (2022) Legal Doctrine as an Informal Source of Modern Russian Law. In: Romashov R. A. (ed.) *Origins and Sources of Law: Genesis and Evolution: Monograph. St. Petersburg: Aleteia. Pp. 383–397. (In Russ.)*
6. Golovko, L. V. (2016) Post-Soviet Theory of Law: Difficulties of Positioning in the Historical and Comparative Legal Context. In: *Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law: Collection of Articles. Moscow: Yurlitinform. Pp. 92–127. (In Russ.)*
7. Golovko, L. V. (2025) Is There a Fourth Concept of Law? In: Frolova E. A. (ed.) *The Value of Law (on the Occasion of the 100th Anniversary of O. E. Leist's Birth): Monograph. Moscow: Prospekt. Pp. 57–73. (In Russ.)*
8. Damasio, A. J. (2018) *The Brain and the Origin of Consciousness. Moscow: Kariera-Press. 383 p.*
9. Zakhartsev, S. I., Salnikov, V. P. (2025) Modern Approaches to Understanding Law and the Work of Professor O. E. Leist. In: Frolova E. A. (ed.) *The Value of Law (on the Occasion of the 100th Anniversary of the Birth of O. E. Leist): Monograph. Moscow: Prospekt. Pp. 73–81. (In Russ.)*
10. Kornev, V. N. (2025) Philosophical and Legal Prerequisites for the Formation of a Synthetic (Integrative) Approach to Understanding the Essence of Law. In: Frolova E. A. (ed.) *The Value of Law (on the 100th Anniversary of the Birth of O. E. Leist): Monograph. Moscow: Prospekt. Pp. 100–114. (In Russ.)*
11. Leist, O. E. (2011) *The Essence of Law. Problems of the Theory and Philosophy of Law. Moscow: Zertsalo-M. 352 p.*
12. Perevalov, V. D. (2019) Legal Doctrine: Concept and Relationship with Other Categories that are Similar in Content. *Russian Law: Education, Practice, Science. No. 5. Pp. 42–48. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-5-42-48*
13. Permyakov, Yu. E. (2023) *Modern Philosophy of Law: An Overview of the Main Issues: A Study Guide. St. Petersburg: Lan. 516 p. (In Russ.)*
14. Fatalieva, D. A. (2025) *Differentia Specifica of Legal Principles in Context of Judicial Reasoning. Law. Journal of the Higher School of Economics. Vol. 18, no. 1. Pp. 85–114. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2025.1.85.114*
15. Hacker, P. S. M. (2023) Definitions in Jurisprudence. In: Ogleznev V. V., Surovtsov V. A. *Analytical Philosophy of Law: Open Texture and Definition of Legal Concepts. Moscow: Canon+, Rehabilitation Research Center. Pp. 245–254.*
16. Harman, G. (2023) *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything / Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press. 256 p.*
17. Chestnov, I. L. (2024) The Ontology of Legal Interpretation: A Post-Classical Dialogical Methodology. In: Tonkov E. N., Chestnov I. L. (eds.) *Legal Interpretation: Classics and Post-Classics: A Collective Monograph. St. Petersburg: Aleteia. Pp. 15–27. (In Russ.)*

18. Chestnov, I. L. (2022) Certainty/Uncertainty in Law: A Post-Classical Interpretation. In: Rybakov O. Yu. (ed.) *The Uncertainty of Law: Philosophical Understanding and Legal Significance: A Monograph*. Moscow: *Prospekt*. Pp. 98–115. (In Russ.)
19. Chestnov, I. L. (2026) The Reality of Law in the Post-Classical Dimension. In: Tonkov E. N., Chestnov I. L. (eds.) *Prospects for Legal Realism. A Collective Monograph*. St. Petersburg: *Aleteia*. Pp. 77–95. (In Russ.)

About the author:

Chestnov Ilya Lvovich, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: 0000-0003-2083-5876; e-mail: tgpprocuror@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.